

A vibrant, futuristic sci-fi landscape. In the foreground, a character in a highly detailed, metallic space suit with a large, spherical helmet stands on a rocky outcrop. The suit is primarily silver and gold. In the background, a massive, complex structure floats in the sky, supported by numerous cables and beams. The structure has a large, rounded top section and various smaller components. The landscape below is a mix of rocky terrain, green patches, and blue water. The sky is bright blue with scattered white clouds. The overall scene is one of advanced technology and exploration.

Улитка на склоне Вселенной

Максим Козлов

Максим Козлов

Улитка на склоне Вселенной

<https://litres.ru/74042161>

SelfPub; 2026

Аннотация

Далекое будущее. Человечество расселилось по галактике, но звёзды гаснут одна за другой. Люди переселяются на планеты-ковчег, медленно дрейфующие к центру галактики, где, возможно, есть новый источник энергии. Путь займёт десять тысяч лет.

Главный герой — учёный-биолог, который двадцать лет изучает улиток — примитивных моллюсков, живущих на дне океана. Коллеги смеются над ним: улитки не строят цивилизаций, не познают физику, они просто ползут, едят и размножаются. Но герой чувствует: в их медленном, почти неподвижном существовании скрыта истина, которую человечество утратило в бесконечной гонке за смыслом.

«Улитка на склоне Вселенной» — философская притча о том, что надежда не в великих свершениях, а в способности радоваться малому. Солнечному лучу. Капле воды. Медленному движению. Это книга для тех, кто устал искать ответы и хочет научиться просто быть.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	17
Глава третья	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Максим Козлов

Улитка на склоне Вселенной

Глава первая

В лаборатории пахло йодом и тухлой водой. Этот запах въелся в стены, в пластик, в кожу рук. Андрей не замечал его уже лет пятнадцать. Иногда, выходя наружу, он ловил на себе взгляды — люди морщились, отодвигались. От него пахло глубиной.

Он сидел перед аквариумом и смотрел на улитку. Она ползла по стеклу, оставляя за собой влажную дорожку. Движение было настолько медленным, что если отвлечься на минуту, казалось — она не двигалась вовсе. Но она двигалась. Всегда.

Андрей откинулся на спинку стула, потер глаза. Двадцать лет. Двадцать лет он смотрел на этих существ. Двадцать лет записывал одно и то же: скорость движения, реакция на свет, реакция на температуру, цикл размножения. Тысячи страниц наблюдений, которые никому не были нужны.

За стеной гудел реактор. Планета-ковчег номер семнадцать, третья от временного солнца, которое давно переста-

ло быть солнцем, а было просто большим генератором. Тепло, свет, гравитация — всё искусственное, всё на соплях, всё может кончиться в любой момент. Так говорили. Андрей не думал об этом. Он думал об улитках.

Раковина была серой, с едва заметными прожилками. Если приглядеться, можно было увидеть узор — спираль, уходящую в центр. Спираль, которая никуда не вела, просто была. Улитка не знала, что она красива. Она не знала ничего.

Андрей взял самописец — старую привычку, он не доверял голосовым заметкам, ему нужно было чувствовать рукой движение, когда он пишет. «Образец 4457-А. Время наблюдения — три часа семнадцать минут. Перемещение — четыре миллиметра. Реакция на стимулы отсутствует». Он положил самописец и закурил. В лаборатории курить запрещалось, но никто сюда не заходил. Кроме разве что Сашки, но Сашка сам курил.

Улитка доползла до края аквариума и замерла. Андрей ждал. Улитка тоже ждала. Чего? Никто не знал. Может быть, ничего.

Он встал, подошел к окну. Там был океан. Серый, тяжелый, он уходил за горизонт, и где-то там, за горизонтом, начиналась стена купола. Но отсюда было не видно. Только вода и небо, которое тоже было искусственным, но очень похожим на настоящее. Инженеры постарались. Можно было жить и забыть, что ты внутри жестянки, летящей в пустоте. Многие так и жили.

Андрей докурил, раздавил окурок в старой раковине, которая стояла на подоконнике специально для этого. Вернулся к аквариуму. Улитка сдвинулась еще на миллиметр. Он улыбнулся. Этого никто не видел, и это было хорошо.

Дверь открылась без стука. Сашка вошел, принеся с собой запах машинного масла и жженого пластика. Он работал в техническом секторе, чинил насосы, которые качали воду из океана в очистные, и обратно. Настоящая работа. Мужская работа. Так он говорил.

— Сидишь? — спросил Сашка.

— Сижу.

— Улитки ползут?

— Ползут.

Сашка хохотнул, сел на край стола, смахнув какие-то бумаги. Андрей не стал поднимать.

— Андрюха, тебя когда-нибудь уволят. Или просто забудут здесь. Ты это понимаешь? Уже двадцать лет ты смотришь на этих тварей. Толку ноль. Отчеты твои никто не читает. На совете директоров, когда речь заходит о биологическом секторе, говорят: а, этот, который улиток изучает. И смеются. Серьезно, смеются.

— Пусть смеются.

— Зачем ты это делаешь? Вот реально, зачем? Что ты хочешь найти? Ты же умный мужик, ты мог бы заниматься чем-то полезным. Гидропоника, очистка воды, да хоть системами жизнеобеспечения. А ты улиток изучаешь.

Андрей не ответил. Он достал еще одну сигарету, протянул Сашке. Тот взял, закурил. Помещение наполнилось дымом.

— Они жили до нас, — сказал Андрей негромко.

— Что?

— Улитки эти. Они жили здесь миллион лет. Мы нашли их окаменелости в тех же слоях, где находим сейчас живых. Они не изменились. Вообще. За миллион лет. Понимаешь?

— Ну и что? Крокодилы тоже не менялись. И что?

— Крокодилов нет. Они остались на Земле. Вернее, Земли нет. А эти здесь. И когда нас не станет, они останутся.

Сашка помолчал. Он смотрел на аквариум, на серую раковину, на влажный след на стекле. Потом сплюнул в сторону.

— Глупости это. Когда нас не станет, ничего не останется. Ни улиток твоих, ни океана этого. Тишина. Тьма. Конец всему.

— Может быть.

— Точно. Звезды гаснут, ты в курсе? Каждый месяц — новая сводка, и каждый месяц цифры хуже. Сначала думали — война, потом думали — естественный цикл, теперь просто молчат. Никто ничего не знает. А мы летим в центр галактики, где, возможно, есть выход. Возможно. Понимаешь? Возможно — значит, может, и нет. А ты сидишь тут, с улитками.

Андрей докурил, положил окурочек в раковину. Сашка протянул руку, тоже бросил. Окурки лежали рядом, как два

мертвых насекомых.

— Я не знаю, зачем, — сказал Андрей. — Если честно, не знаю. Просто мне кажется, что если понять их, можно понять что-то важное.

— Что?

— Не знаю.

Сашка спрыгнул со стола, хлопнул Андрея по плечу. Тяжелая рука, мозолистая. Настоящая рука.

— Ладно, философ. Пошли в столовую, там сегодня что-то похожее на мясо. Синтезированное, но с приправами. Почти как настоящее.

— Я позже.

— Когда позже? Опять до ночи сидеть будешь? Слушай, Андрюх, у тебя хоть баба-то есть?

— Была.

— Когда? В прошлом году? Или в позапрошлом? Ты посмотри на себя — зарос, глаза красные, пахнет от тебя болотом. Кому ты такой нужен?

— Никому.

— Вот именно. Пошли в столовую.

— Не хочу.

Сашка махнул рукой и вышел. Дверь закрылась, стало тихо, только слышно было, как гудит реактор и как капает вода в дальнем углу, где протекал фильтр. Надо было починить, но Андрей все откладывал. Капля за каплей, медленно, ритмично. Как движение улитки.

Он сел обратно. Улитка сдвинулась еще. Теперь она была почти у самого края аквариума. Андрей подставил палец, и она поползла по нему — медленно, тяжело, оставляя холодный слизистый след. Она не знала, что ползет по пальцу. Она не знала, что такое палец. Она просто ползла.

Вечером он пошел к океану. Это было его ритуалом — каждый день, после работы, он спускался на берег, садился на камни и смотрел на воду. Океан здесь был другим, не таким, как на Земле. На Земле океан был живой — в нем кипела жизнь, рыбы, водоросли, планктон. Здесь океан был почти мертвым. Только улитки, только водоросли, только микроорганизмы, которые никто толком не изучал. Им было не до того.

Волны накатывали на берег, отступали, оставляя пену. Пена была белой, почти светящейся в сумерках. Андрей сел на свой камень — он всегда садился на один и тот же, уже протер его за годы, камень стал гладким, как полированным. Закурил.

Над головой было небо — купол, на который проецировали звезды. Не те звезды, которые гасли одна за другой, а просто картинку. Старую картинку из архивов Земли. Созвездия, которые уже не существовали. Андрей знал это, но все равно иногда смотрел на них и думал: а вдруг? Вдруг где-то там еще есть свет?

Улитки жили здесь, под этими волнами. На дне, в темноте, в холоде. Они ползли, ели, размножались, умирали. Милли-

он лет. Без цели, без смысла, без осознания. И это работало.

Андрей думал о том, что человечество за несколько тысяч лет дошло до звезд, а теперь звезды гаснут, и никто не знает почему. Может быть, они просто устали. Может быть, они тоже улитки, только большие и горячие. Может быть, вселенная — это просто большой аквариум, и кто-то сидит перед ним и смотрит.

Он докурил, бросил окурочек в воду. Окурочек поплыл, покачиваясь на волнах, и скоро исчез из виду. Океан принял его, как принимал всё.

В лаборатории было холодно. Андрей включил обогреватель — старый, скрипучий, он работал с перебоями, но другого не было. Сел за микроскоп. Образец ткани улитки — он брал его аккуратно, не убивая, просто маленький кусочек мантии, который потом отрастал. Улитки ничего не чувствовали. Или чувствовали, но не так, как мы. Никто не знал.

Под микроскопом клетки выглядели обычно. Ничего особенного. Ядро, цитоплазма, мембрана. Обычная биология. Но было что-то еще. Андрей заметил это давно, лет десять назад, но не мог объяснить. В клетках улиток присутствовали структуры, которых не должно было быть. Мелкие, почти невидимые кристаллики, которые реагировали на электрические импульсы. Не на все, только на очень слабые, почти незаметные. Как будто они слушали что-то.

Он провел опыт — стандартный, сотый раз. Поместил образец в раствор, подал импульс. Кристаллики дрогнули, из-

менили форму, потом вернулись обратно. Реакция была, но медленная, очень медленная. Чтобы зафиксировать изменения, требовались часы. Иногда дни.

Андрей записал результаты. В журнале накопилось уже три тома таких записей. Три тома наблюдений за тем, как кристаллики дрожат в ответ на импульсы. Никто, кроме него, не понимал, зачем это нужно. Он и сам не понимал.

Поздно ночью он вышел на берег. Луна — искусственная, конечно, — висела над океаном, и от нее шла серебряная дорожка по воде. Андрей разделся, зашел в воду. Холодно. Здесь всегда было холодно. Он поплыл — медленно, размеренно, как улитка. Под ним была черная глубина, и где-то там, на дне, ползли они. Тысячи, миллионы улиток. Они не знали, что над ними кто-то плывет. Они не знали ничего.

Он нырнул. Открыл глаза. Вода была соленой, щипало, но он привык. Внизу, в темноте, угадывались камни, водоросли, и на одном из камней — силуэт. Улитка. Большая, старая, раковина покрыта наростами. Ей было, наверное, лет двести. А может, больше. Никто не знал, сколько они живут. Может, они вообще не умирали своей смертью — только если хищники, но хищников здесь не было. Люди убрали всех хищников, когда строили ковчег. Улиткам оставили только водоросли и покой.

Андрей вынырнул, вдохнул. Воздух был влажным, пахло солью и чем-то металлическим — реактор давал сбои, кто-то говорил об этом в столовой, но он не слушал. Он поплыл

обратно к берегу.

На песке, у кромки воды, лежала раковина. Пустая. Улитка умерла, или ее выбросило штормом, и она не смогла вернуться. Андрей поднял раковину, отряхнул от песка. Спираль внутри была идеальной, как математическая формула. Как будто кто-то рассчитал ее до микрона. Но никто не рассчитывал. Улитки просто строили так, поколение за поколением, миллион лет.

Он принес раковину в лабораторию. Поставил на стол, рядом с микроскопом. Она лежала там, как напоминание о чем-то, что он не мог сформулировать.

Утром пришло сообщение. Третья звезда в секторе семь погасла. Полностью. Датчики зафиксировали последнюю вспышку, и всё. Теперь там чернота. Комиссия по расследованию ничего не выяснила. Природа явления неизвестна. Рекомендации — продолжать движение к центру галактики, ускорить переселение с внешних планет. Обычная сводка. Люди в столовой обсуждали, нервничали, кто-то плакал. Андрей прочитал и забыл. Звезды гасли далеко. Улитки были здесь.

Он провел новый опыт. На этот раз — с химическими маркерами. Он помечал клетки улиток и смотрел, как они реагируют на разные вещества. Большинство веществ не давали ничего. Но некоторые — те, что выделяли сами улитки, — вызывали реакцию. Кристаллики в клетках начинали колебаться синхронно. Как будто они общались.

Андрей записал: «Возможно, химическая коммуникация». Потом зачеркнул. Потом написал снова. Он не был уверен.

Вечером пришла Лена. Она была из отдела гидропоники, они иногда спали вместе, без особых чувств, просто чтобы не быть одним. Лена была теплая, молчаливая, от нее пахло землей и зеленью. Она не спрашивала про улиток, ей было все равно.

— Ты опять не спал, — сказала она.

— Не спал.

— Звезда погасла. Ты слышал?

— Слышал.

— Страшно.

— Да.

Она села на кровать, стянула комбинезон. Тело у нее было белое, мягкое, с синими прожилками вен. Андрей смотрел на нее и думал о том, что человек тоже моллюск, только без раковины. Мягкое тело, которое нужно защищать. И мы строим раковины — дома, корабли, ковчеги. Только у улиток раковина своя, а у нас — общая.

— Иди ко мне, — сказала Лена.

Он пошел. Они лежали в темноте, слушали гул реактора, и он думал о том, что сейчас, в эту секунду, где-то на дне океана улитка ползет по камню. Медленно. Очень медленно. И это движение — самое важное, что есть во вселенной. Потому что оно никуда не ведет. Оно просто есть.

Утром Лена ушла. Андрей сварил кофе — синтезированный, почти без вкуса, но горячий — и сел за микроскоп. Образец за ночь изменился. Кристаллики перестроились в новую структуру. Такого он еще не видел.

Он просидел над этим открытием три дня. Не спал, почти не ел, только пил кофе и курил. Сашка заходил, ругался, пытался увести в столовую, но Андрей не шел. Он смотрел в микроскоп и видел то, чего никто не видел раньше.

Кристаллики складывались в цепочки. Цепочки соединялись в сети. И сети эти, похоже, передавали информацию. Но не так, как нейроны у людей — быстро, импульсами, — а медленно, очень медленно. Как будто одна мысль длилась годы. Может, сотни лет.

Андрей проверил старые записи. За десять лет наблюдений структура кристалликов менялась несколько раз. Он думал раньше, что это случайность. Теперь он понял — это не случайность. Это паттерн. Очень медленный паттерн.

Он сделал расчет. Если его догадка верна, то одна мысль у улиток длится около тысячи лет. Тысячу лет они думают что-то одно. И пока думают, просто ползут, едят, живут.

Андрей откинулся на спинку стула. В голове шумело. Он закурил, хотя во рту уже горело от табака. Тысяча лет на одну мысль. А мы, люди, думаем тысячи мыслей в секунду. И что? К чему мы пришли? Звезды гасят, мы бежим, ищем, строим ковчеги, а улитки просто ползут. И за миллион лет они никуда не делись. А человечество — исчезнет. Может,

через сто лет. Может, через тысячу. Но исчезнет. А улитки останутся.

Он вышел на берег. Сел на камень. Океан был спокоен, почти без волн. Светило искусственное солнце, теплое, почти настоящее. Андрей смотрел на воду и думал: «О чем они думают? Какова эта мысль, которая длится тысячу лет?»

Если бы он мог ее услышать. Если бы он мог понять.

Он закрыл глаза. Шум волн, крики чаек — их завезли с Земли, они размножились, жили своей жизнью. Ветер. Тепло на коже. И где-то там, в глубине, — медленное, невероятно медленное биение мысли.

«Свет. Вода. Еда. Хорошо».

Он открыл глаза. Усмехнулся. Это было слишком просто. Слишком примитивно. Но что, если так и есть? Что, если единственная мысль, которую они думают, — это «хорошо»? Тысячу лет длится это «хорошо». И когда оно заканчивается, начинается новое. И так — миллион лет.

Он встал, отряхнул песок с брюк. Пора было возвращаться в лабораторию. Завтра нужно будет представить предварительные результаты совету. Они опять будут смеяться. Но теперь ему было все равно. Он знал что-то, чего не знали они.

В лаборатории его ждала улитка. Она ползла по стеклу аквариума — туда же, куда и всегда. К свету. К теплу. Она не знала, что за стеклом — пустота. Она просто ползла. И в этом было всё.

Андрей сел за стол, достал самописец. Помедлил. Потом написал: «Улитка на склоне вселенной. Глава первая. О том, как медленно ползет время и как быстро бежим мы».

За стеной гудел реактор. Капала вода. Океан дышал за окном. И где-то далеко, в черноте, гасли звезды — одна за другой, как свечи на ветру. Но здесь, сейчас, в этот самый момент, улитка ползла по стеклу.

Глава вторая

Утро началось с сирены. Она выла над куполом, низкая, протяжная, как раненый зверь. Андрей проснулся на кушетке в лаборатории — он часто там спал, не хотел идти в жилой модуль, где было пусто и пахло пылью. Сирена означала одно: общее собрание. Значит, что-то случилось. Что-то всегда случалось в последнее время.

Он сел, растер лицо ладонями, нащупал на полу ботинки. В аквариуме улитка все так же ползла по стеклу, как будто ничего не происходило. Сирена, звезды, конец вселенной — ей было все равно. Она ползла.

В зале собраний было душно. Люди стояли плотно, плечом к плечу, и от этого становилось еще душнее. Пахло потом, страхом, мокрой одеждой — на улице моросил дождь из системы орошения, которая опять барахлила. Андрей встал в углу, подальше от трибуны. Он не любил толпу. Он не любил собрания. Он вообще много чего не любил, если подумать.

На трибуну поднялся директор колонии — Марк Ильич, старый, лысый, с красными прожилками на носу. Он был из первых поселенцев, из тех, кто еще помнил Землю. Говорил он всегда одно и то же, но сегодня лицо у него было другое. Серое какое-то.

— Товарищи, — сказал он, и зал затих. — У меня плохие

новости.

Кто-то всхлипнул впереди. Женщина, кажется, из отдела снабжения. Андрей не помнил ее имени.

— Сектор двенадцать. Три звезды. Погасли одновременно. Сегодня ночью.

Зал зашумел. Три звезды. Одновременно. Такого еще не было. Раньше они гасли по одной, с интервалом в недели, в месяцы. А теперь три сразу. Это меняло дело. Это означало, что процесс ускоряется. Или что-то еще, чего никто не понимал.

— Связи с сектором больше нет, — продолжал Марк Ильич. — Мы пытаемся восстановить, но пока безрезультатно. Комиссия по науке работает над объяснением. Но объяснения пока нет.

— А оно будет? — крикнул кто-то из зала.

Марк Ильич помолчал. Он смотрел куда-то поверх голов, в стену, где висела старая карта галактики с отметками погасших звезд. Красных точек было много. Очень много.

— Мы надеемся, — сказал он наконец. — Мы всегда надеемся.

Андрей вышел из зала раньше, чем собрание закончилось. Он не мог дышать в этой духоте, среди этих испуганных лиц. Он пошел на берег, к своему камню. Дождь закончился, купол очистился, и теперь искусственное небо было почти прозрачным. Океан катил волны на песок, ритмично, спокойно. Как дыхание.

Он сел на камень, закурил. Пальцы дрожали — не от страха, от усталости. Три звезды. Одновременно. Он думал об этом не как о катастрофе, а как о загадке. Что может погасить три звезды одновременно? Взрыв сверхновой? Нет, зафиксировали бы. Война? Может быть, но кто? Цивилизаций в галактике было немного, и все они либо погибли, либо ушли, либо молчали. Никто не знал точно.

И тут он подумал об улитках. О том, что они живут миллион лет и не меняются. О том, что их медленная мысль длится тысячу лет. Может быть, и у вселенной есть своя мысль? Медленная, долгая, которую мы не слышим из-за нашей скорости? Может быть, звезды гаснут не потому, что что-то случилось, а потому, что так и должно быть? Потому что это часть какого-то медленного процесса, который мы не можем осознать?

Он затаился, выпустил дым. Дым поднялся и растаял в искусственном небе.

— Опять куришь, — сказал Сашка, появляясь из-за камней. Он был в рабочем комбинезоне, перепачканном маслом, и выглядел уставшим. — Слышал уже?

— Слышал.

— Три звезды, Андрюха. Три. Что дальше? Десять? Сто? Мы?

Андрей пожал плечами.

— Может, и мы.

— И тебе не страшно?

— Страшно.

— А чего ты такой спокойный тогда?

Андрей посмотрел на океан. Там, под волнами, на серых камнях, ползли улитки. Медленно. Неостановимо. Как всегда.

— Я не знаю, Саш. Просто не знаю.

Сашка сел рядом, прямо на песок, не заботясь о том, что испачкается. Он взял у Андрея сигарету, закурил. Они сидели молча, смотрели на воду.

— У меня жена, — сказал Сашка вдруг. — И дочка. Маленькая, три года. Я смотрю на нее и думаю: зачем я ее родил? Чтобы она выросла и увидела, как гаснет последняя звезда? Или чтобы просто умерла раньше?

— Чтобы жила, — сказал Андрей. — Просто чтобы жила.

— А в чем смысл, если всё кончится?

Андрей вспомнил улитку. Она не знала, что всё кончится. Она просто ползла. Ела. Размножалась. И в этом был весь смысл.

— Может, смысла и нет, — сказал он. — Может, мы его придумали, чтобы не сойти с ума. А на самом деле есть только вот это. Волны. Песок. Дым сигареты. И этого достаточно.

Сашка покачал головой.

— Недостаточно. Мне недостаточно. Я хочу знать, что с ней будет. Что она вырастет, выйдет замуж, родит своих детей. Что ее дети увидят что-то хорошее. А если этого не будет, тогда зачем?

Андрей не ответил. Он не знал, что сказать. У него не было детей. У него никого не было, кроме улиток.

Сашка докурил, бросил окурок в волны. Встал, отряхнул песок с комбинезона.

— Ладно, философ. Мне насосы чинить. Вода опять мутная пошла, народ жалуется. Сделаешь свою работу — я сделаю свою.

И ушел. Андрей остался один.

В лаборатории было холодно. Обогреватель опять сломался. Андрей включил его, постучал по корпусу — заработал, затрещал, загудел. Сел за микроскоп.

Образец, который он оставил накануне, изменился. Кристаллики в клетках перестроились в новую структуру — более сложную, более упорядоченную. Андрей зарисовал ее в журнале, хотя мог бы сфотографировать. Ему нравилось рисовать. Это помогало думать.

Он провел новый тест. На этот раз он добавил в раствор химическое вещество, которое выделяли улитки при стрессе — он научился его синтезировать несколько лет назад. Кристаллики дрогнули, начали перестраиваться. Но не хаотично, как раньше, а целенаправленно. Как будто они отвечали.

Андрей задержал дыхание. Неужели? Неужели они общаются?

Он записал результаты. Руки дрожали. Он перечитал написанное, зачеркнул, написал снова. Потом встал, прошелся по лаборатории. Аквариум. Улитка на стекле. Другая улит-

ка, на камне, — она не двигалась уже несколько дней, просто сидела, втянув рожки.

— Вы меня слышите? — спросил он вслух.

Улитка не ответила.

Он усмехнулся. Глупо. Конечно, не слышит. У нее нет ушей. И даже если бы были — она не понимает слов. Она вообще не понимает ничего, кроме света, воды, еды. Или понимает?

Он сел обратно. Посмотрел на кристаллики под микроскопом. Они образовали фигуру, похожую на спираль. Ту же спираль, что была на раковине. Идеальную математическую спираль, которая повторялась везде — в раковинах, в галактиках, в структуре ДНК. Как будто кто-то написал один закон и разослал его всем.

Андрей записал: «Паттерн повторяется. Возможно, универсальная структура. Возможно, ключ».

Потом он лег на кушетку и долго смотрел в потолок. Там была трещина — тонкая, почти незаметная, но он знал о ней уже много лет. Она не увеличивалась. Она просто была.

Вечером он снова пошел на берег. На этот раз не один — Лена увязалась за ним. Она была бледная, испуганная, говорила быстро и много. О звездах, о том, что люди паникуют, что в жилом модуле кто-то плакал всю ночь, что Марк Ильич собрал экстренный совет и что-то решают, но никто не знает что.

— А тебе не страшно? — спросила она.

— Страшно, — сказал Андрей.

— Но ты не показываешь.

— А зачем показывать?

Она помолчала. Потом взяла его за руку. Рука у нее была холодная, тонкая.

— Я не хочу умирать, — сказала она.

— Никто не хочет.

— А ты?

Андрей подумал. Он никогда не думал об этом всерьез. Смерть казалась чем-то далеким, как погасшие звезды. Где-то там, за горизонтом. Но теперь горизонт приближался.

— Не знаю, — сказал он. — Наверное, нет. Но если это случится, я хотел бы быть здесь. На этом берегу. Смотреть на океан.

— А улитки?

— Что улитки?

— Они ведь тоже умрут. Когда погаснет наше солнце. Или когда остановится реактор. Или когда мы просто кончимся. Они умрут вместе с нами.

Андрей покачал головой.

— Нет. Они переживут нас. Даже если погаснет солнце, океан замерзнет, они уйдут на дно, в ил. Они могут замедлиться почти до нуля. Ждать тысячи лет, пока не станет тепло. Они уже так делали. На Земле. Когда падал метеорит и все умирали. Улитки выжили. Они всегда выживают.

Лена посмотрела на него с удивлением.

— Откуда ты знаешь?

— Я изучаю их двадцать лет.

— И что ты понял?

Андрей помолчал. Волны накатывали на песок, отступали, оставляя мокрый след.

— Я понял, что скорость не важна. Что можно жить медленно и всё равно быть. Что смысл — это не то, что мы ищем, а то, что у нас уже есть.

Лена отпустила его руку. Она смотрела на океан, и лицо у нее было задумчивое.

— Ты странный, — сказала она.

— Знаю.

— Но в этом что-то есть.

Они вернулись в жилой модуль. Лена уснула быстро, свернувшись калачиком под одеялом. Андрей лежал без сна, слушал ее дыхание и думал.

Он думал о том, как все устроено. Человечество расселилось по галактике, построило города, корабли, ковчеги. Мы думали, что мы — венец творения. Мы думали, что нам подвластно все. А теперь звезды гаснут, и мы не знаем почему. Мы не знаем, что делать. Мы просто бежим.

А улитки не бегут. Они просто ползут. И за миллион лет они никуда не делись. Может быть, они знают что-то, чего не знаем мы. Может быть, они и есть ответ.

Он заснул под утро. Ему приснился океан — бескрайний, темный, глубокий. И он сам был улиткой. Медленно полз по

дну, оставляя за собой слизистый след. И ему было хорошо. Светло. Тепло. Спокойно.

Утром его разбудил сигнал вызова. На коммуникаторе мигало сообщение от директора. «Андрей Викторович, зайдите ко мне. Срочно».

Кабинет директора был обшит деревянными панелями — настоящими, с Земли. Говорили, что Марк Ильич привез их с собой, когда еще можно было возить вещи между звездами. Пахло деревом, старыми книгами, кофе. Настоящим кофе — не синтезированным.

Марк Ильич сидел за столом, перебирал бумаги. Когда Андрей вошел, он поднял глаза и жестом пригласил сесть.

— Андрей Викторович, я читал ваши отчеты, — сказал он без предисловий.

— Все?

— Последние. Те, что вы прислали в прошлом месяце. Про кристаллические структуры и возможную коммуникацию.

Андрей кивнул.

— Это интересно, — продолжал директор. — Не скажу, что я все понял, но это интересно. Вы действительно считаете, что у этих существ есть коллективный разум?

— Я считаю, что у них есть нечто похожее. Но медленное. Очень медленное. Мы не замечаем его, потому что привыкли к скорости — нейроны, импульсы, быстрые реакции. А у них все иначе. Одна мысль может длиться сотни лет.

Директор помолчал, потер переносицу.

— Вы понимаете, что это значит? Если у них есть разум, пусть даже медленный, это меняет все. Это значит, что мы не одни на этом ковчеге. Это значит, что у нас есть соседи, о которых мы ничего не знали.

— Они жили здесь до нас.

— Да, конечно. Но мы считали их примитивными. Еда для рыб, не больше. А вы говорите — разум.

Андрей пожал плечами.

— Разум — это сильно сказано. Скорее, осознание. Медленное осознание бытия. Они не решают уравнений, не строят кораблей. Но они знают, что они есть. И этого им достаточно.

Директор встал, подошел к окну. За окном был океан — серый, спокойный, уходящий к горизонту.

— Знаете, Андрей Викторович, я старый человек. Я видел Землю. Я видел, как мы улетали. Я видел, как гасли первые звезды. Я много думал о том, зачем все это. Почему мы бежим, почему боремся, почему не сдаемся. И я не находил ответа. А вы говорите — достаточно просто быть.

— Это не я говорю. Это улитки.

Директор усмехнулся.

— Улитки. Слизни на камнях. А может, они мудрее нас.

Он вернулся к столу, сел.

— Я дам вам дополнительные ресурсы, Андрей Викторович. Оборудование, людей, если нужно. Продолжайте ис-

следования. Может быть, вы найдете что-то важное. Может быть, даже то, что поможет нам выжить. Или хотя бы понять.

— Я постараюсь.

— И еще. Совет директоров хочет, чтобы вы выступили с докладом. Через неделю. Расскажите, что вы нашли. Люди напуганы, им нужно что-то, кроме плохих новостей. Может быть, ваши улики дадут им надежду.

— Надежду на что?

— Не знаю. На то, что жизнь продолжается. Даже когда гаснут звезды.

Андрей вышел из кабинета и остановился в коридоре. Дополнительные ресурсы. Доклад. Совет директоров. Все это было неожиданно. Двадцать лет он работал в тишине, в забвении, и вдруг — такое внимание. Ему было неудобно.

Он спустился в лабораторию. Улики были на месте. Они всегда были на месте. Одна ползла по стеклу, другая сидела на камне, третья зарылась в ил, только край раковины торчал. Они не знали о звездах, о советах, о ресурсах. Они просто жили.

Андрей сел за микроскоп. Начал новый опыт.

Через неделю он стоял перед залом, полным людей. Их было много — человек триста, весь научный персонал колонии, инженеры, врачи, члены совета. Они смотрели на него, и в их глазах был страх. Три звезды погасли, и все ждали новых плохих вестей.

Андрей включил проектор. На экране появилось изобра-

жение улитки — большой, серой, с идеальной спиралью на раковине.

— Это улитка, — сказал он. — Она живет на дне нашего океана. Она не умеет думать так, как думаем мы. У нее нет мозга, нет нервной системы в нашем понимании. Но у нее есть нечто другое.

Он переключил слайд. Микрофотография кристалликов, увеличенная в тысячу раз.

— Эти структуры находятся в клетках улиток. Они реагируют на химические сигналы. Они перестраиваются, образуют сети. Они передают информацию. Медленно. Очень медленно. Одна мысль у них длится около тысячи лет.

По залу прошел шепот. Кто-то недоверчиво хмыкнул.

— Я изучаю их двадцать лет, — продолжал Андрей. — И я пришел к выводу, что у этих существ есть коллективный разум. Не такой, как у нас. Медленный. Терпеливый. Но он есть.

— И что они думают? — крикнул кто-то из зала.

Андрей помолчал. Потом переключил слайд. На экране появилась спираль — та самая, с раковины.

— Я не знаю точно. Но у меня есть гипотеза. Они думают: «Свет теплый. Вода мокрая. Еда есть. Хорошо». И эта мысль длится тысячу лет. А когда она заканчивается, начинается новая. Такая же.

В зале стало тихо. Очень тихо.

— Зачем вы нам это рассказываете? — спросил директор.

— Звезды гаснут, мы в опасности, а вы говорите о том, что каким-то слизням хорошо?

Андрей посмотрел на него.

— Я рассказываю это, потому что нам есть чему у них поучиться. Мы бежим, ищем смысл, строим ковчеги, боремся со смертью. А они просто живут. И за миллион лет они не исчезли. А мы можем исчезнуть уже завтра. Может быть, дело не в том, чтобы найти смысл. Может быть, дело в том, чтобы просто быть.

Люди переглядывались. Кто-то качал головой, кто-то улыбался. Андрей видел, что многие не поняли. Но некоторые — поняли. Он видел это по их глазам.

После доклада к нему подошла женщина. Немолодая, с усталым лицом, в белом халате — из медицинского сектора.

— Знаете, — сказала она негромко, — я работаю в хосписе. У нас там люди, которые умирают. Старые, больные, те, кто не хочет больше бежать. И я им часто говорю: смотрите, солнце светит. Вода течет. Хлеб есть. Хорошо. И они успокаиваются. Я не знала, что это по-улиточному.

Андрей улыбнулся.

— Это по-человечески. Просто мы забыли.

Он вернулся в лабораторию поздно вечером. Улитки были на месте. Океан дышал за окном. Реактор гудел. Где-то далеко гасли звезды — одна за другой, как свечи.

Андрей сел за стол, достал самописец. Помедлил. Потом написал: «Глава вторая. О том, как улитки думают, а люди

бегут».

За стеной капала вода. Капля за каплей. Медленно, как мысль улитки. Андрей отложил самописец, подошел к аквариуму. Улитка ползла по стеклу. Он приложил палец с той стороны, и она поползла к нему. Может быть, она чувствовала тепло. Может быть, что-то еще.

Он стоял так долго. Очень долго. Пока не погас свет и не наступила ночь — искусственная, как все на этом ковчеге, но все равно темная. И в темноте улитка продолжала ползти. Потому что ей было все равно, день сейчас или ночь. Ей было просто хорошо.

Глава третья

Месяц спустя Андрей сидел в батискафе на глубине трехсот метров и смотрел в иллюминатор. Там, снаружи, был мир, который он изучал двадцать лет и никогда не видел своими глазами. Только через стекло аквариума, только через микроскоп, только через отчеты и зарисовки. А теперь — вот он. Настоящий.

Батискаф был старый, списанный из геологической разведки, с ржавыми стыками и барахлящим прожектором. Его дали Андрею после того самого доклада — директор сдержал слово, выделил ресурсы. Не много, но достаточно. Несколько погружений в месяц, химические анализаторы, пробы грунта. И главное — доступ к глубоководной станции, заброшенной еще при первых поселенцах. Станция стояла на глубине четырехсот метров, на краю подводного плато, и когда-то использовалась для добычи редких элементов. Теперь там жили только улитки.

— Ну что, командир, долго еще? — спросил пилот, молодой парень по имени Костя, из технического сектора. Он жевал какую-то резинку, синтезированную, со вкусом мяты, и барабанил пальцами по панели управления.

— Я не командир.

— Ну а кто? Ученый? Один черт. Долго еще?

— Час. Может, два.

Костя вздохнул, откинулся в кресле. Ему было скучно. Он не понимал, зачем нужно сидеть на глубине и смотреть на улиток. Но работа есть работа, платили нормально, а в техническом секторе сейчас было беспокойно — сокращения, перебои с запчастями, нервозность. А тут тихо.

Андрей прилип к иллюминатору. Прожектор выхватывал из темноты камни, водоросли, стайки мелких рыб — их завезли для экосистемы, и они прижились. И улиток. Их было много. Они сидели на камнях, на обломках скал, на ржавых конструкциях заброшенной станции. Некоторые ползли — медленно, едва заметно. Другие замерли, втянули рожки, ждали чего-то. Чего — никто не знал.

Андрей включил камеру, начал запись. Он комментировал вполголоса, для журнала:

— Глубина триста двадцать метров. Температура воды — четыре градуса по Цельсию. Освещенность — ноль один люмен от прожектора батискафа. Плотность популяции улиток — приблизительно пятнадцать особей на квадратный метр. Поведение стандартное: медленное перемещение, поиск пищи, отсутствие видимых реакций на раздражители.

Костя хмыкнул:

— Стандартное поведение. Звучит как приговор. Они всегда такие скучные?

— Они не скучные. Они медленные. Это разное.

— Ну да, ну да. Я в школе улиток не любил. Они мне напоминали сопли.

Андрей ничего не ответил. Он смотрел, как большая улитка, с раковиной размером с кулак, ползет по ржавой балке. Балка была частью старой буровой установки, заброшенной лет сто назад. Улитка ползла по ней уже, наверное, год. Может, два. Она не знала, что балка ржавая. Она не знала, что балка сделана людьми. Она просто ползла.

Батискаф завис над станцией. Она была похожа на скелет какого-то древнего чудовища — ржавые фермы, провалившиеся перекрытия, темные провалы окон. Андрей попросил Костю включить дополнительный прожектор, и свет залил руины.

Улитки были везде. На стенах, на крыше, на полузатопленных механизмах. Они сидели плотно, раковина к раковине, как будто слушали что-то. Или ждали.

— Ничего себе, — сказал Костя, перестав жевать. — Сколько их тут.

— Я насчитал около двухсот на квадратный метр. Это аномальная плотность.

— Может, у них тут собрание?

Андрей не ответил. Он включил анализатор химического состава воды. Прибор загудел, выдал цифры. Концентрация определенных веществ была повышена — тех самых, которые выделяли улитки. Тех самых, на которые реагировали кристаллики в клетках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.